

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.161.1'367.626+811.161.1'42+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.1-221+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.07

Код ВАК 5.9.8

Айгуль Айратовна Карамова

Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий, Бирск, Россия, Kar_AA@mail.ru, SPIN-код: 2611-9375

Местоимение *мы* как средство репрезентации концептуального признака «свой» ключевого политического концепта «свой/чужой» в современном политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. Цель статьи — рассмотрение местоимения *мы* как средства репрезентации концептуального признака «свой» ключевого политического концепта «свой/чужой». Анализ производится с опорой на ценностный аспект данного концепта, соотносящий его с аксиологической шкалой «свой / чужой», где «свой» — хороший, положительный, «чужой» — плохой, отрицательный. В ходе комплексного исследования местоимения *мы* применены методики лексико-семантического, стилистического, грамматического, концептуального, дискурсивного, статистического анализа. Комплексный подход позволил, во-первых, констатировать идеологическую сущность местоимения *мы* в политическом дискурсе, во-вторых, определить в качестве его основной функции репрезентацию области «своего», в-третьих, определить местоимение *мы* как главное средство репрезентации области «своего», в-четвертых, описать всё многообразие политической семантики местоимения *мы* (основные значения «власть», «Россия — страна», «Россия — народ», частные значения «международная политика России», «экономическая политика России», «силовая политика России» и т. д., оттенки значения «союзники России», «партнеры России», «друзья России»), в-пятых, уточнить объем семантики *мы*-эксклюзивного (значение «власть») и *мы*-инклюзивного (значения «Россия — народ», «Россия — страна», в дополнение к общему значению «мы-партия + народ»), выявить их функции в политическом тексте. Результаты исследования применимы в дальнейшей научной работе, практике составления словарей политических концептов, в практике преподавания вузовских курсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, концептосфера, политический концепт, ценностная шкала, концептуальные признаки, «свой / чужой», средства репрезентации, местоимение.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Карамова Айгуль Айратовна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Бирский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»; 452450, Россия, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10, email: Kar_AA@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Карамова, А. А. Местоимение *мы* как средство репрезентации концептуального признака «свой» ключевого политического концепта «свой/чужой» в современном политическом дискурсе / А. А. Карамова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 22-28.

Aigul A. Karamova

Birsk Branch of Ufa University of Science and Technology, Birsk, Russia, Kar_AA@mail.ru, SPIN code: 2611-9375

The Russian Pronoun “*my*” as a Means of Representing the Conceptual Feature “*own*” of the Key Political Concept of “Own/Alien” in the Contemporary Political Discourse

ABSTRACT. The aim of this article is to examine the pronoun “*my*” (we) as a means of representing the conceptual feature “*own*” of the key political concept “*own/alien*”. The analysis is based on the value aspect of this concept, correlating it with the axiological scale “*own/alien*”, where “*own*” is good or positive, and “*alien*” is bad or negative. In the course of a complex study of the pronoun “*my*”, the author employed the methods of lexico-semantic, stylistic, grammatical, conceptual, discursive, and statistical analysis. The complex approach made it possible, first, to establish the ideological essence of the pronoun “*my*” in political discourse; second, to define its main function as representing the domain of “*own*”; third, to define the pronoun “*my*” as the main means of representing the domain of “*own*”; fourth, to describe the full diversity of the political semantics of the pronoun “*my*” (the main meanings being “*power*,” “*Russia — the country*,” “*Russia — the people*,” the specific meanings “*Russia’s international policy*,” “*Russia’s economic policy*,” “*Russia’s power policy*,” etc., and shades of meaning “*Russia’s allies*,” “*Russia’s partners*,” “*Russia’s friends*”), and fifth, to clarify the scope of the semantics of “*my*”-exclusive (meaning “*power*”) and “*my*”-inclusive (meanings “*Russia — the people*,” “*Russia — the country*,” in addition to the general meaning “*my-party + the people*”), and to identify their functions in political texts. The results of the study could be used in further scholarly research, in the practice of compiling dictionaries of political concepts, and in practical teaching of university courses.

KEYWORDS: political discourse, conceptsphere, political concept, axiological scale, conceptual features, own – alien, representation means, pronoun.

AUTHOR’S INFORMATION: Karamova Aigul Airatovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Philology, Birsk Branch of Ufa University of Science and Technology, Birsk, Russia.

FOR CITATION: Karamova A. A. (2025). The Russian Pronoun “*my*” as a Means of Representing the Conceptual Feature “*own*” of the Key Political Concept of “*Own/Alien*” in the Contemporary Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 22-28. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование опирается на следующие определения понятий концепта, политического концепта. Концепты — это «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик 2009: 24]. Политический концепт — это элемент «национального политического сознания» [Чудинов 2007: 43]. Среди политических концептов выделяются ключевые (базовые) концепты — наиболее значимые для картины политического мира, составляющие его основу. К ним относят такие концепты, как «власть», «народ», «Россия», «свой / чужой» и др.

В наших исследованиях уже указывалось на то, что оппозиция «свой / чужой» имеет двойную сущность: с одной стороны, это базовый политический концепт, на котором основывается понимание политики как борьбы за власть¹, с другой стороны, это аксиологическая категория [Митякина 2022: 158]. Признание оппозиции «свой / чужой» аксиологической категорией позволяет считать ее неким ориентиром, распределяющим объекты и понятия политического мира по противоположным полюсам ценности и антиценности, хорошего и плохого. Этот ориентир во многом формирует картину политического мира, а также позволяет осуществлять полноценную политическую коммуникацию ее субъектам (в плане кодирования и декодирования смыслов).

На идеологическую сущность местоимения *мы* неоднократно указывали исследователи [Михалева 2009; Чернявская 2006; Карамова 2016; Кишина 2009; Резникова 2012; Чжао Янь 2019 и др.], сегодня о нем всё чаще говорят как о средстве репрезентации национальной идентичности [Гаврилова 2025]. Ранее нами было установлено, что данное местоимение — одно из самых частотных средств репрезентации концептуального признака «свой» идеологического концепта «свой / чужой» [Карамова 2023а]. Именно поэтому оно заслуживает более детального рассмотрения, систематизации (в плане семантики, функционала) и описания.

Исследование производится на материале текста Президента Российской Федерации с прямой линией «Итоги года с Владими-

ром Путиным» (19 декабря 2024 г.). Выбор жанра прямой линии и программы итогов года неслучаен. Во-первых, именно в формате прямой линии с Президентом звучат наиболее важные, актуальные вопросы, важность и актуальность которых усиливается тем, что это подведение годовых итогов. Во-вторых, для исследования местоимения первого лица *мы* невозможно подобрать более адекватный источник, нежели текст главного лица государства, где будет представлено все многообразие его семантики, стилистической окраски, оценочности, тем самым будет возможность прийти к наиболее объективным выводам. В-третьих, жанр прямой линии относится к институциональному политическому дискурсу (см. классификацию типов политического дискурса²), где употребление местоимения *мы* наиболее активно. Помимо того, принадлежность жанра прямой линии к институциональному типу политического дискурса «исключает субъективность, личностный характер суждений, мнений, оценок, а статус самого субъекта речи как высшего лица государства возводит суждения до уровня официальных государственных» [Карамова 2023б: 13–14].

Всего было проанализировано 330 употреблений местоимения *мы* в разных грамматических формах. Материал подобран методом сплошной выборки.

В процессе анализа речевого материала используется комплексный подход к исследованию местоимения *мы*, включающий методики лексико-семантического анализа (определение значения местоимения), стилистического анализа (определение оценочности), синтаксического анализа (определение синтаксической позиции и грамматической семантики), концептуального анализа (определение места на шкале «свой/чужой»), контекстуального анализа, дискурсивного анализа (определение широкого общественно-политического контекста), статистического анализа.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

I. Семантика местоимения *мы*

Анализ показывает, что в плане содержания употребление местоимения *мы* последовательно распадается на две группы — с общеязыковым значением и с политически

¹ Карамова, А. А. Современный политический дискурс (конец XX — начало XXI вв.) : дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 2013. — С. 208.

² Там же. С. 55.

окрашенным значением.

1. Общеязыковые значения: «указывает на группу лиц, среди которых находится и говорящий» [Грамматика 1980: 532]:

- «я + он»: *Вы сказали: что мы можем предложить или я могу предложить вновь избранному президенту Трампу, когда мы с ним встретимся?*;
- «я + они»: *...в Москве такое количество лидеров разных стран не собиралось. ... Так что спасибо Казани за то, что вы нам предоставили такую возможность;*
- «я + ты + вы»: *... мы сейчас и шутим здесь, и смех в зале раздается, а я стал меньше шутить и почти перестал смеяться;*
- обобщенное значение «все, общеизвестно» (в сочетании с глагольными словоформами *знать, видеть, наблюдать, говорить, понимать*): *У нас даже в самые тяжёлые времена Великой Отечественной войны, мы знаем эти примеры, думали о будущем; Что реально на поле боя мы видим сегодня?; В рамках Сирии при президенте Асаде нужно было это решать... Мы это всё понимаем; ...создан террористический анклав наподобие того, что мы наблюдали в некоторых других странах, скажем, в Афганистане.*

Следует отметить, что в общеязыковом, традиционном значении местоимение *мы* употребляется в анализируемом тексте довольно редко, в 5 % случаев от общего употребления.

2. Политически окрашенные значения.

Здесь последовательно прослеживается употребление местоимения *мы* в двух значениях: «мы-эксклюзивное» (исключающее собеседника) и «мы-инклюзивное» (включающее собеседника) (терминология, принадлежащая Э. Бенвенисту [см.: Михалёва 2009: 82]):

1) *мы-эксклюзивное*:

– «Власть», то есть те, кто делает политику, от кого зависят важнейшие политические решения: *Сейчас мы увеличиваем армию и силовые подразделения в силу целого ряда обстоятельств до полутора миллионов человек; Я не могу сейчас сказать: да, мы сделаем завтра. Но я вам обещаю, что мы это точно проработаем.* Данная группа довольно многочисленная, составляет 35 % от общего употребления местоимения *мы*;

2) *мы-инклюзивное*, включающее собеседника, то есть, в нашем случае, народ. Ранее нами было уточнено данное значение

применительно к политическому дискурсу «как „мы-партия + народ“, где „партия“ имеет общее институциональное значение» [Карамова 2016: 84]. Суть семантики *мы-инклюзивного* состоит в том, что «субъект объединяется с объектом, совпадает с ним» [Карамова 2016: 85]. В анализируемом контексте общая семантика *мы-инклюзивного* конкретизируется следующими значениями:

– «Россия = страна, государство»: *Для нашей страны это особенно важно, потому что при утрате суверенитета мы теряем государственность; У нас рост промышленности составил 4,4 процента, а перерабатывающая промышленность — 8,1 процента...; в том числе с оттенком «Россия в противоположность другим странам»: Проведем такой эксперимент, такую технологическую дуэль, и посмотрим, что получится... Думаю, что будет полезно и для нас, и для американской стороны; Мы-то готовы, но нужно, чтобы та страна была готова и к переговорам, и к компромиссу.* Данное значение актуализируется у местоимения *мы* в 50 % случаев употребления;

– «Россия = народ, населяющий страну»: *Мы гордимся Москвой, это один из крупнейших и лучших мегаполисов мира, но и Казань развивается быстро, активно; Мы никогда не забудем о тех жертвах, которые были принесены нашим народом на алтарь победы над нацизмом. Самое главное, чтобы мы этого не забывали.* Значение актуализируется в 10 % от общего употребления местоимения.

Таким образом, в анализируемом тексте наблюдается преимущественно политически окрашенное значение местоимения *мы*, что говорит об его идеологической нагруженности (мы понимаем политическую и идеологическую окрашенность как близкие, пересекающиеся понятия, учитывая неразрывную связь политики и идеологии [Потемкина 2025]). При этом превалирует *мы-инклюзивное*, когда адресант не отстраняется от собеседника-народа, а включает его в свой круг, возводя до равного себе статуса, объединяя свои интересы с интересами народа. Вместе с тем, достаточно значимо *мы-эксклюзивное*, когда власть, государство берет на себя ответственность за решение многих актуальных вопросов, от которых зависит благополучие граждан и страны.

II. Оценочная характеристика местоимения *мы*

Оценка в данном исследовании понимается как «положительная или отрицательная характеристика объекта, основанная на мнении о соответствии или несоответствии

его ценностной (идеализированной) картине мира»¹. Совершенно очевидно, что речь здесь идет об особом типе оценок — социально-политической оценке², причем лишь об адгерентной (контекстуальной) ее разновидности.

Анализ показывает, что употребление местоимения *мы* наблюдается в следующих контекстах:

1) оценочные контексты:

– с положительной оценкой: *С экономикой в целом в России у нас ситуация обстоит нормально, устойчиво. Мы развиваемся, несмотря ни на что, несмотря ни на какие внешние угрозы и попытки воздействия на нас; По мясу мы полностью себя обеспечиваем, 100 процентов* и т. п.;

– с отрицательной оценкой: *Дело в том, что у нас ещё недостроенность жилья; К сожалению, он у нас упал до 1,41 процента; Дальше невозможно было оставаться в том состоянии, в котором мы находились* и т. п.

Оценочные контексты составляют большую часть употреблений местоимения *мы* (55 %). При этом абсолютное большинство оценочных контекстов имеет положительный характер (87 %), оценивающий состояние дел в экономике, политике и других сферах как развитие, прогресс. Негативные контексты отмечают недостатки в отдельных областях политической и экономической жизни;

2) нейтральные контексты: *У нас нет предварительных условий. Мы готовы вести диалог без предварительных условий; Мы очень часто говорим о взаимодействии России и Китайской Народной Республики; и мы с Правительством уже эту тему обсуждали.*

Большая часть нейтральных контекстов (56 % от всех нейтральных употреблений) имеет семантику не нейтральной констатации фактов, а семантику «на перспективу», а именно:

– долженствования: *Мы должны сохранить набранный темп, менять качество нашей экономики;*

– готовности: *Но если это будет нужно, мы, конечно, готовы будем развернуть там и дополнительную группировку МЧС;*

– желательности: *Мы очень рассчитываем на то, что там наступит мир, спокойствие;*

– надежды: *Мы надеемся, что Израиль когда-то выйдет с территории Сирии, но сейчас он заводит туда дополни-*

тельные войска;

– уверенности: *Мы совершенно точно их выйдем, абсолютно точно. По-другому быть не может;*

– обещания: *Но мы обязательно всё сделаем, не сомневайтесь...;*

– побуждения: *Если те западные эксперты, про которых Вы сказали, так полагают, пусть они предложат нам и пусть предложат тем на Западе и США, кто им платит за их анализ, произвести некий технологический эксперимент, скажем, высокотехнологичную дуэль XXI века;*

– планирования: *По дорогам: мы в течение трёх лет планируем привести всю дорожную сеть этих регионов в нормативное, российское состояние;*

– заинтересованности: *И мы заинтересованы в привлечении именно высококвалифицированных специалистов в Россию, чтобы они здесь работали и жили.*

В данных контекстах выражается не настоящее положение дел, анализ того, что сделано или делается, а обозначены некие цели, ориентиры, к которым, по мнению адресата, надо стремиться.

III. Грамматическая характеристика местоимения *мы*

Анализ синтаксической позиции местоимения *мы* продемонстрировал, что в большинстве случаев (65 %) оно употребляется в независимой синтаксической позиции (в роли активного агенса): *Мы развиваемся, несмотря ни на что, несмотря ни на какие внешние угрозы и попытки воздействия на нас; Это то, к чему мы должны стремиться.*

Примечательно, что *мы*-эксклюзивное в значении «власть» в 90 % употреблений занимает позицию активного агенса, что еще раз подтверждает, что государство и власть берут на себя активную роль участника политических событий, ответственность за всё происходящее: *Да, инфляция есть. Мы будем с этим бороться; Я прошу Правительство обеспечить объемы необходимых субсидий. Мы здесь наведем порядок* и т. п. Этого не наблюдается в употреблении *мы*-инклюзивного, где России, народу отводится более пассивная роль (65 % употреблений — синтаксическая позиция пациенса). Связано это, скорее всего, с тем, что функция употребления *мы*-инклюзивного несколько иная (установление контакта с адресатом, единение с ним, возведение его до участника политических событий) [Карамова 2016: 84–85; Михалева 2009;

¹ Карамова, А. А. Современный политический дискурс (конец XX — начало XXI вв.) : дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 2013. — С. 102.

² Там же. С. 109–130.

Чернявская 2206].

IV. Концептуальная характеристика местоимения *мы*

Семантику «своего» следует искать прежде всего в оценочных контекстах употребления местоимения *мы*. Ведь, как говорилось выше, оппозиция «свой» / «чужой» коррелирует с ценностной шкалой «хорошо» / «плохо», что возводит данную оппозицию в ранг аксиологической категории. Всё, что располагается в зоне «своего», квалифицируется как «хорошо», соответственно, всё «чужое» располагается на противоположной, отрицательной стороне шкалы.

Наполнение зон «своего» и «чужого» может быть разным, о чем говорилось ранее [Карамова 2023: 77]: идейно-политическим (советский/антисоветский), национальным (русский/нерусский), связанным с военными конфликтами (русские/немцы), религиозным (правоверный/неверный), международным (Россия / другие страны). Актуализация тех или иных антиномий зависит от внешних факторов. Логично, что в период, когда Россия заявляет себя на международной арене как суверенное, независимое государство, имеющее свой голос, развивающееся по собственному сценарию, что не может оставлять равнодушными других субъектов международной политики, наиболее актуальной становится антиномия «Россия / другие страны». Это противопоставление обостряется, становится более заметным на фоне специальной военной операции.

Чаще всего оппозиция выражена эксплицитно и касается всех отраслей взаимодействия с другими странами:

– международной политики в общем: *Она окрепла, она стала по-настоящему суверенной страной, и мы принимать решения будем без всякой оглядки на чужое мнение, будем руководствоваться только своими национальными интересами; БРИКС не является инструментом противодействия Западу. Мы не работаем против кого бы то ни было, мы работаем за свои интересы, за интересы стран — участниц этой организации;*

– дипломатической политики: *Мы-то готовы, но нужно, чтобы та страна была готова и к переговорам, и к компромиссу; Просто противная сторона, в прямом и переносном смысле этого слова, отказалась от переговоров. А мы всегда к этому готовы;*

– экономической политики: *С экономикой в целом в России у нас ситуация об-*

стоит нормально, устойчиво. Мы развиваемся, несмотря ни на что, несмотря ни на какие внешние угрозы и попытки воздействия на нас; От нас уходят многие производители, дай бог им здоровья, а это толкает наше собственное производство, в том числе и кинопроизводство; мы станем по-настоящему суверенной страной, мы уже мало от кого зависим. Мы в состоянии уверенно держаться на ногах с точки зрения экономики;

– информационной политики: *Потому что, несмотря на все гонения на нашу прессу, мы вам позволяем работать в России, и вы делаете это свободно; Мы ни разу не слышали — я сейчас не Вас имею в виду лично — от западного журналистского корпуса осуждения подобных терактов;*

– силовой политики: *Мы совершенно точно их выьем, абсолютно точно; Мы упрасивали когда-то американцев не разворачивать эту систему, чтобы нам не нужно было создавать систем преодоления; Затем мы говорим о повышении ответственности ядерных государств, которые могут принимать участие в агрессии против Российской Федерации вместе со странами, которые обладают ядерным оружием; Да, с нами практически воюют все страны НАТО.*

В оценочных контекстах может наблюдаться также имплицитное противопоставление «своего» и «чужого», когда «чужой» не номинирован, но в самом контексте угадывается семантика «чужого», противопоставления ему: *Мариуполю мы уделяем много внимания, и это заслуженно, это большой город; Мы занимаемся там тоже и дорогами, и школами, и соцкультбытом, и медициной — там возник крупный медицинский центр недавно, и учебными заведениями — грамматический контекст настоящего времени, сам дискурсивный контекст, лексема возникнуть в значении «начаться, образоваться, зародиться»¹ свидетельствуют о противопоставлении политики России и Украины в области развития территорий.*

К зоне «своего» причисляются также страны — союзницы России: *...мы объявили о том, что если такие же угрозы будут создаваться для нашего союзника — члена Союзного государства, для Белоруссии, то Российская Федерация будет это рассматривать так же, как создание аналогичных угроз для самой России. И мы сделаем всё, чтобы обеспечить безопасность Белоруссии; Мы очень часто говорим о взаимодействии России и Китайской*

¹ Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М., 2003. — С. 93.

Народной Республики.

В зону «чужого» помещаются, по большей части, страны Запада: *Украина отказалась от продления транзитного контракта. Это же не мы отказались, это Украина отказывается; Мы упрасивали когда-то американцев не разворачивать эту систему, чтобы нам не нужно было создавать систем преодоления; Поэтому это и делается нейтральными странами, которые не вмешиваются в конфликт, как, например, делают это западные государства, которые фактически воюют с нами руками украинцев.*

Поскольку большая часть употреблений местоимения *мы* небезразлична к оценке, причем в своем абсолюте — к положительной, то смело можно заявлять, что, во-первых, местоимение *мы* — одно из основных средств выражения полюса «своего», во-вторых, одна из главных функций местоимения *мы* — репрезентация зоны «своего».

При этом анализ семантики местоимения *мы* (как правило, политически окрашенной, идеологически нагруженной), проведенный выше, показывает, что *мы* — это в любом случае «свой», даже если не имеется эксплицитно выраженного противопоставления с «чужим», если не имеется оценочного контекста. Просто семантика «своего» усиливается в оценочных контекстах с положительной окраской.

ВЫВОДЫ

1. Местоимение *мы* в политическом контексте является идеологически нагруженной единицей, поскольку в абсолютном большинстве употреблений имеет политически связанное значение. Одна из главных функций местоимения *мы* в политическом дискурсе — репрезентация концептуального признака «свой» базового политического концепта «свой / чужой». Эта функция выходит на первый план в контекстах, где местоимение *мы* имеет положительную окраску. При этом употребление в нейтральных контекстах не лишает местоимение *мы* этой основной семантики — обозначать область «своего».

2. Местоимение *мы* выполняет в политическом дискурсе еще одну важную функцию — является субъектом действия с общей семантикой «на перспективу» (долженствования, готовности, желания, обещания, побуждения, планирования, заинтересованности), о чем свидетельствует семантика нейтральных контекстов. Данное значение накладывается на семантику «своего».

3. Местоимение *мы* является одним из главных средств выражения концептуального признака «свой» базового политического

концепта «свой / чужой». Этому способствует его умение вбирать в себя, в зависимости от контекста, семантику всего, что может быть причислено к «своему» — «Россия», «народ», «власть».

4. Идеологическая семантика местоимения *мы* очень широкая. Помимо трех основных выявленных значений «власть», «Россия — страна», «Россия — народ», в противопоставлении с областью «чужого» проявляются более частные значения — «международная политика России», «экономическая политика России», «дипломатическая политика России», «информационная политика России», «силовая политика России». Кроме того, имеет место расширение семантики местоимения *мы* — за счет оттенков значения «союзники России», «партнеры России», «друзья России».

5. Оппозиция «свой / чужой» может быть выражена эксплицитно и имплицитно. В случае с местоимением *мы* как репрезентантом зоны «своего», эксплицитным средством оппозиция являются контекстуальные антонимы типа *мы — они*, *мы — все страны НАТО*, *мы — та сторона*, *мы — кто бы то ни было* и т. п. Имплицитно оппозиция может выражаться за счет лексических, грамматических, дискурсивных средств.

6. Особенность использования *мы*-эксклюзивного (в значении «власть») заключается в том, что оно в абсолютном большинстве случаев занимает позицию активного агенса, что свидетельствует о том, что именно власти отводится активная роль субъекта политики, который берет на себя ответственность за политические решения и деяния.

7. Превалирование в использовании *мы*-инклюзивного (в общих значениях «Россия — страна», «Россия — народ»), причем преимущественно в грамматической роли пациенса, свидетельствует о стремлении субъекта политической коммуникации установления контакта с народом-адресатом, общности обсуждаемых проблем.

8. Материалы анализа могут быть использованы в дальнейших исследованиях в области политического дискурса, аксиологии, лексической и грамматической семантики, в практике составления словарей политических концептов, в практике преподавания вузовских курсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Блакар, Р. Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия / под ред. В. В. Петровой. — Москва : Прогресс, 1987. — С. 88–125.
2. Гаврилова, М. В. Лингвистические средства репрезентации национальной идентичности в политическом тексте / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 78–89. — EDN MWADTK.

3. Карамова, А. А. Концепты «правда» и «ложь» на аксиологической шкале «свой/чужой»: средства репрезентации (на материале обращений В. В. Путина периода специальной военной операции) / А. А. Карамова // Политическая лингвистика. — 2023 (а). — № 3 (99). — С. 12–22. — EDN WGALEI.
4. Карамова, А. А. Манипулятивный потенциал грамматических средств в современном политическом дискурсе / А. А. Карамова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2016. — Т. 1. — № 3. — С. 84–90. — EDN WLSEXV.
5. Карамова, А. А. Средства репрезентации базового политического концепта «свой/чужой» (на материале обращений В. В. Путина в связи со специальной военной операцией) / А. А. Карамова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2023 (б). — № 2 (113). — С. 75–85. — DOI 10.23859/1994-0637-2023-2-113-7. — EDN HCKYED.
6. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2009. — 406 с. — ISBN 978-5-94244-030-5. EDN QUTWBB.
7. Кишина, Е. В. Смысловая модель категории «свое — чужое» на уровне политического дискурса / Е. В. Кишина // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2009. — № 1 (5). — С. 47–52. — EDN KDMPHH.
8. Митякина, О. В. Оппозиция «свой — чужой» как средство делегитимации политической власти (на материале комментариев англоговорящих пользователей в социальных сетях) / О. В. Митякина // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5 (95). — С. 156–162. — DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_15. EDN UEWUUB.
9. Михалёва, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалёва. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ» : URSS, 2009 (сop. 2008). — 256 с. — ISBN 9785397002271. — EDN GMQKUV.
10. Потемкина, В. М. Политико-идеологический дискурс как разновидность гибридного институционального дискурса / В. М. Потемкина, О. И. Калинин // Политическая лингвистика. — 2025. — № 1 (109). — С. 108–117. — EDN BGGRVZ.
11. Резникова, Е. В. Личные местоимения в политическом дискурсе / Е. В. Резникова // Ярославский педагогический вестник. — 2012. — № 1. — Т. 1. — С. 180–183. — EDN PXHJBJ.
12. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1. — 789 с.
13. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 136 с. — ISBN 5-89349-987-5. — EDN RWLPMR.
14. Чжао, Янь. Использование местоимений первого лица в президентском дискурсе как средство речевого вовлечения / Янь Чжао // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — Вып. 7 — С. 260–264. — DOI 10.30853/filnauki.2019.7.56. — EDN ASHUF D.
15. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — 2-е изд., испр. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — 252 с. — ISBN 978-5-89349-897-4.

REFERENCES

1. Blakar, R. (1987). Yazik kak instrument sotsialnoy vlasti = Language as an Instrument of Social Power. *Language and Modeling of Social Interaction* (ed. V. V. Petrova), 88–125. Moscow: Progress.
2. Gavrilova, M. V. (2025). Lingvisticheskie sredstva reprezentatsii natsionalnoy identichnosti v politicheskom tekste = Linguistic means of representation of national identity in political

text. *Political Linguistics*, 2(110), 78–89. EDN MWADTK.

3. Karamova, A. A. (2023a). Kontsepti «pravda» i «lozh» na aksiologicheskoy shkale «svoy/chuzhoY»: sredstva reprezentatsii (na materiale obrashcheny V. V. Putina perioda spetsialnoy voennoy operatsii) = The concepts “Truth” and “Lie” on the axiological scale of “alien/own”: means of representation (on the material of V.V. Putin’s Addresses during the Special Military Operation). *Political Linguistics*, 3(99), 12–22. EDN WGALEI.
4. Karamova, A. A. (2016). Manipulyativnyy potentsial grammaticheskikh sredstv v sovremennom politicheskom diskurse = Manipulative potential of grammar resources in the contemporary political discourse. *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*, 1(3), 84–90. EDN WLSEXV.
5. Karamova, A. A. (2023b). Sredstva reprezentatsii bazovogo politicheskogo kontseptu «svoy/chuzhoY» (na materiale obrashcheny V. V. Putina v svyazi so spetsialnoy voennoy operatsiyey) = Representation means of the basic political concept “friend/foe” (based on V. V. Putin’s Addresses related to a Special Military Operation). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2(113), 75–85. DOI 10.23859/1994-0637-2023-2-113-7. EDN HCKYED.
6. Karasik, V. I. (2009). Yazikovye klyuchi = Language Keys. Moscow: Gnozis, 406 p. ISBN 978-5-94244-030-5. EDN QUTWBB.
7. Kishina, E. V. (2009). Smislovaya model kategorii «svoy — chuzhoE» na urovne politicheskogo diskursa = Meaning model of the category “own – strange” at the level of political discourse. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 1(5), 47–52. EDN KDMPHH.
8. Mityakina, O. V. (2022). Oppozitsiya “svoy — chuzhoY” kak sredstvo deligitimatsii politicheskoy vlasti (na materiale kommentariyev anglogovoryashchikh polzovateley v sotsialnikh setyakh) = The opposition of “own-alien” as a means of delegitimation of political power (based on the comments of English-speaking social network users). *Political Linguistics*, 5(95), 156–162. DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_15. EDN UEWUUB.
9. Mikhalyova, O. L. (2009). Politicheskyy diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya = Political Discourse: Specifics of Manipulative Influence. Moscow: LIBROKOM Book House, URSS, 256 p. ISBN 9785397002271. EDN GMQKUV.
10. Potemkina, V. M., Kalinin, O. I. (2025). Politiko-ideologichesky diskurs kak raznovidnost gibridnogo institutsionalnogo diskursa = Politico-ideological discourse as a special kind of hybrid institutional discourse. *Political Linguistics*, 1(109), 108–117. EDN BGGRVZ.
11. Reznikova, E. V. (2012). Lichnie mestoimeniya v politicheskom diskurse = Personal pronouns in political discourse. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1(1), 180–183. EDN PXHJBJ.
12. Shvedova, N. Yu. (Ed.) (1980). Russkaya grammatika = Russian Grammar. Vol. 1. Moscow: Nauka, 789 p.
13. Chernyavskaya, V. E. (2006). Diskurs vlasti i vlast diskursa: problemi rechevogo vozdeystviya = Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Influence. Textbook. Moscow: Flinta, Nauka, 136 p. ISBN 5-89349-987-5. EDN RWLPMR.
14. Zhao, Yan. (2019). Ispolzovanie mestoimeny pervogo litsa v prezidentskom diskurse kak sredstvo rechevogo vovlecheniya = Use of first-person pronouns in presidential discourse as a means of speech involvement. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 12(7), 260–264. DOI 10.30853/filnauki.2019.7.56. EDN ASHUF D.
15. Chudinov, A. P. (2007). Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics (2nd ed., corrected). Moscow: Flinta, Nauka, 252 p. ISBN 978-5-89349-897-4.